DOI 10.22394/1818-4049-2017-81-4-49-57
УДК 339.97(571.6)(520)

О. М. Рензин

Финансовые механизмы интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион: новые тенденции

Рассмотрены взаимосвязи между интеграционными процессами и трансформацией финансовых институтов и инструментов в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее – АТР). Проанализирован генезис финансовых взаимодействий в АТР в период после азиатского кризиса 1997 г. Выделены программы совершенствования инструментарной составляющей межгосударственного финансового взаимодействия. Показаны динамические реакции и корректировки организационных форм финансовой системы при смене интеграционных трендов. Выделена особая роль программы расширения Китаем юаневой зоны как фактор реализации новых интеграционных проектов. Сделаны оценки потенциальных вариантов развития финансовой системы в АТР в связи с реализацией основных среднесрочных интеграционных сценариев в регионе.

***Ключевые слова:** интеграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе, финансовые механизмы интеграции, расширение юаневой зоны, институты и инструменты финансовой интеграции.*

В начале XXI в. в экономической жизни мирового сообщества происходят существенные изменения в конфигурации межстрановых взаимодействий. Во многих регионах мира возникают, развиваются, а в ряде случаев, напротив, распадаются интеграционные объединения национальных хозяйственных систем. Такие процессы неизбежно вызывают изменения (иногда революционные) в функционировании, адаптации и трансформации мировых финансовых рынков: резко повышается или замедляется скорость трансграничного движения капитала, увеличиваются или уменьшаются объемы международных операций с валютами и фондовыми активами. Одновременно происходят качественные изменения: появляются и используются для обслуживания финансовых трансакций новые инструменты, в т. ч. высокорисковые и труднорегулируемые.

В современной экономике интеграционные процессы и финансовые трансформации неразрывно связаны между собой, и более того, на наш взгляд, это две ипостаси одного процесса, отчетливо отслеживаемого и интерпретируемого. Его содержанием является консолидация национальных экономик для согласованного ограничения макроэкономических рисков. Это происходит за счет распределения и перераспределения позиций в международном разделении труда и формирования для этого соответствующей эффективной финансовой инфраструктуры.

Во второй половине XX в. наиболее активно такие трансформации происходили в Европе, однако в настоящее время они становятся все более заметными в других регионах мира. В последнее десятилетие важнейшей площадкой для активизации интеграционного процесса стала зона АТР, которая вызвала пристальное внимание специалистов по процессам глобализации[1]. Такое внимание объяснимо: никогда ни в одном макрорегионе мира

[1]*Показательно, что современный исследовательский процесс носит явно выраженный междисциплинарный характер, см. напр. Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование). М. : Инфра-М, 2016. 332 с.*

Рензин Олег Маркович – канд. экон. наук, зам. директора, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Хабаровск). *E-mail: renzin@ecrin.ru*

не возникало одновременно так много проектов по формированию новых интеграционных образований. При этом инициаторами, лидерами и непосредственными участниками этого процесса являются либо страны, которые в настоящее время занимают ведущие позиции в международных экономических взаимодействиях (США, Китай, Япония), либо экономики, имеющие с учетом существующего потенциала развития амбициозные планы по вхождению в перспективе в лидирующую группу (это прежде всего Россия и Ю. Корея).

Стратегии развития, связанные с выдвижением интеграционных инициатив и последующим созданием региональных объединений, стали явно выраженными для стран Азиатско-Тихоокеанского региона в период после мирового финансового кризиса 2007 – 2008 гг. Традиционные модели организации национальных экономик, ранее демонстрировавшие позитивные результаты функционирования, начали давать сбои. Высокая чувствительность даже очень сильных экономик к негативным мировым процессам потребовала проведения специальных мероприятий по повышению устойчивости производственных систем. Одновременно глобальный кризис показал, что ранее разработанные программы совместных защитных мероприятий в АТР (сформированные в основном в период после Азиатского кризиса 1997 г.) действуют недостаточно эффективно, для региона требуется разработка и реализация более совершенных форм и механизмов объединения хозяйственных систем.

Идеология коллективного противостояния государств региона современным экономическим рискам стала императивом развития и потребовала от каждой из стран и территорий АТР нахождения ответов на ряд принципиальных вопросов развития национальных хозяйственных систем. В каком сегменте мировой экономики занимать производственные ниши? На каких продуктовых линейках специализироваться? С кем и на каких условиях формировать устойчивые хозяйственные связи? Важными эти вопросы стали и для России, которая в качестве одного из целевых ориентиров своей внешнеэкономической политики в период после 2000 г. избрала вектор «азианизации» и достаточно последовательно и энергично пытается его реализовать практически.

В результате в современных экономических и политических условиях в Азиатско-Тихоокеанском регионе сформировалось семейство интеграционных проектов, которые стали отражением интересов и возможностей основных игроков этой мировой макрозоны. Они имеют качественно отличающиеся способы практического воплощения, неоднородный круг участников, разновеликие ресурсные базы, но едины по своему содержательному наполнению – «интеграция как альтернатива обособленному развитию».

Прежде всего, выделим ряд интеграционных инициатив по масштабам, как минимум сопоставимых с уже действующим проектом Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. Последний, в силу своей слабой институциализированности и внутренней противоречивости, приобрел черты рутинности и традиционности, что в современном динамичном мире, несомненно, не соответствует потребностям развития.

Для изменения такой ситуации сообществу стран АТР во втором десятилетии XXI в. были предложены проекты, разработанные крупнейшими мировыми экономическими державами – США и Китаем. Их потенциальные возможности, включающие не только имеющуюся высокую ресурсную базу, но и внеэкономическое влияние на страны региона, позволяют рассматривать формирование Транстихоокеанского партнерства (далее – ТПП), первоначально предложенного США, и «Экономического пояса Шелкового пути», выдвинутого Китаем, как два главных сценария реструктуризации экономического пространства АТР в перспективе.

Китайский «Шелковый путь» был представлен мировому сообществу осенью 2013 г., и с тех пор стал одним из важнейших элементов экономической политики КНР в регионе. Он предполагает за счет реализации большого числа взаимосвязанных инфраструктурных проектов объединить экономические интересы государств, расположенных между Тихоокеанским и Атлантическим побережьем Евразийского континента. Включение их

в активную международную экономическую деятельность (при лидерстве и под финансовым патронатом Китая) даст региону мощный импульс развития и сформирует позитивные интеграционные эффекты как для каждого из участников проекта, так и всего региона в целом.

Козырной картой здесь является формирование Китаем целевых финансовых институтов, обеспечивающих поддержку интеграционных планов, в частности, Фонда Шелкового пути объемом в 40 млрд. долл. Другими перспективными для реализации проекта финансовыми структурами являются созданные в недалеком прошлом кредитные организации, находящиеся под сильным китайским влиянием. Это Азиатский банк инфраструктурных инвестиций с капиталом в 100 млрд. долл. и имеющий такой же финансовый потенциал Новый банк развития.

Вкладываясь в инфраструктуру за рубежом, Китай не только создает коммуникационные каналы для реализации своего экономического потенциала во многих прилегающих к «Поясу Шелкового пути» экономиках, но и формирует инструментарий для глобализации экономической политики, выходя не только за пределы АТР, но и Азии в целом.

Очевидно, что вслед за решением инфраструктурных проблем участникам проекта будут предложены разнообразные возможности переформатирования таможенных режимов, финансовых и валютных взаимоотношений с китайскими фирмами и экономическими институтами, софинансируемые инвестиционные проекты и другие интеграционные программы. Особо следует выделить появление широких возможностей для использования в этих процессах юаня как валюты с международным статусом.

Таким образом, следует признать, что в инфраструктурной оболочке находится значительный по потенциальным возможностям интеграционный проект, изменяющий пространственную конфигурацию развития не только Тихоокеанской зоны мировой экономики, но и сопредельных территориальных структур[2].

Другой проект объединительного процесса в АТР, не альтернативный по существу использования интеграционной идеологии, но предполагающий для этого другой набор инструментов и служащий интересам других бенефициаров, довольно долго (более 7 лет) готовился в США. В современном интеграционном словаре он получил название «Транстихоокеанское партнерство». После многих раундов предварительных консультаций и обсуждений он был в ускоренном режиме запущен в режим реализации в октябре 2015 г. как реальный ответ на китайскую интеграционную программу. США, Япония, Канада, а также около десятка других стран региона (в числе которых и социалистический Вьетнам) начали процесс формирования в АТР зоны свободной торговли, фактически исключающей в перспективе таможенные пошлины в операциях между странами-партнерами[3].

И в этом случае (как и в проекте «Шелкового пути») фритридерская оболочка не отражает реальной сложности мотивов объединения стран-участниц и его многообразного интеграционного потенциала.

Для США это была составная часть программы «поворот в Азию», продекларированной как продолжение, развитие и дополнение ранее реализованной трансатлантической доктрины. Кроме того, американскими политиками и экономистами без особого вуалирования заявлялось, что в ней содержится противовес китайскому доминированию на региональных рынках.

Правда, в ее реализации в конце 2017 г. произошли важные изменения. После вступления в должность нового президента США Д. Трампа первым его действием на азиатском направлении

[2]На этот аспект реализации инфраструктурной инициативы обращали внимание Уянаев С. Китайский проект «Один пояс – один путь»: концепция, план, сотрудничество с Россией // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 4. С. 8–21 ; Михеев В., Луконин С., Чже С. Многовариантность: большой стратегический ответ Си Цзиньпина // МЭиМО. 2015. № 12. С. 5–14.

[3]Shintaro Hamanaka. TPP versus RCEP: Control of Membership and Agenda Setting // Journal of East Asian Economic Integration, 2015. vol. 17, no. 4, pp. 163–186.

стал вывод Вашингтона из соглашения о создании Транстихоокеанского партнерства. По его мнению, США должны быть активными участниками сотрудничества в регионе, но на других условиях, чем определены в ТТП. Очевидно, в арсенале американской интеграционной политики в АТР теперь будут использованы другие идеи, связанные с совершенствованием двусторонних контактов со странами региона.

Однако этот демарш США не разрушил созданную конструкцию интеграционного объединения стран, а привел к активизации других крупных игроков в региональной системе. Оставшиеся без прежнего лидера участники ТТП провели переговоры по новому документу – Всеобъемлющему и прогрессивному соглашению Транстихоокеанского партнерства (далее – CPTPP) – без участия США, основным сторонником заключения которого является Япония. Об этом формате было заявлено следующее: «…объемлющеее означает, что соглашение будет покрывать не только торговлю, но и инвестиции, защиту интеллектуальной собственности и прочее. Прогрессивное означает, что объединение будет самым передовым по сравнению с другими существующими в мире» [2].

Японии, ставшей во главе нового проекта, произошедшая трансформация дала хороший шанс для восстановления своих лидерских позиций в регионе АТР, поскольку наиболее сильные ее оппоненты в различных областях экономического влияния (Китай, Ю. Корея, Тайвань) остаются за пределами этого объединения. Возможно, что режим «невключения» для этих стран имеет временный характер, но опережающий доступ к получению интеграционных эффектов, несомненно, усиливает конкурентные позиции японской экономики.

Очевидно также, что от выхода США из ТПП выигрыш получает и Китай. Наряду с проектом «Шелкового пути» КНР сейчас активно продвигает свое мегасоглашение – Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (далее – RCEP), которое предполагает участие 16 государств, в т. ч. семи из 11 стран – участниц ТТП. И китайский, и американо-японский проекты имеют ориентацию на АТР, но фактически предусматривают надрегиональные масштабы реализации. Это означает, что большинству стран (как уже вошедшим в пул участников, так и тем, кто присоединится позже) эти проекты дают реальные возможности для конкурентного усиления на крупнейших в мире потребительских рынках, возможности встраивания в их мощные производственные системы, получения преференциальных партнерских поддержек при возникновении трудностей в экономическом развитии.

Нельзя не замечать и другие интеграционные проекты, разработанные в АТР. Они не столь глобальны для мирового сообщества, как вышеназванные инициативы, но одновременно значимы для организации функционирования национальных экономик и, безусловно, могут вызвать большие геополитические сдвиги в регионе.

Так, в частности, южнокорейская «Евроазиатская инициатива» (то находящаяся в «сонном режиме», то активируемая под разными названиями) по сложности, по масштабам задач, по ожидаемым эффектам может быть сравнима с проектом Единой Германии, реализованным в конце XX в. Одним из главных направлений этого проекта является создание предпосылок для объединения Республики Корея и КНДР. Для реализации такого перспективного плана предлагается применить стратегию расширения окружающего экономического пространства за счет использования эффективных партнерских отношений с соседними странами. Интеграционный потенциал позволит придать объединенной пространственной системе новые позитивные качества («креативность»), способствующие более эффективному развитию локализованных в нем экономик.

Еще более сложный интеграционный проект (скорее, комплекс взаимосвязанных проектов, реализуемых в АТР) рассматривается Российской Федерацией. Формирование интеграционного поведения России в АТР имеет ряд существенных дополнительных условий, которые одновременно можно интерпретировать либо как стимулы, либо как ограничения в выборе вариантов. Россия является фактически единственной державой

в полном смысле слова «евроазиатской», т. е. испытывающей необходимость соблюдать системный баланс между проектами для Азии и для Европы. В июне 2016 г. В. Путин официально объявил о начале работы над широким интеграционным проектом, который получил название «Большое Евразийское партнерство» (далее – БЕП). Согласно изложенной им интеграционной модели, в БЕП, кроме России, смогут войти все страны Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) – Белоруссия, Казахстан, Армения и Киргизия. Потенциально в состав этого объединения предполагается включение ряда азиатских стран – Китая, Индии, Пакистана, Ирана и др. Кроме того, как заявил В. В. Путин, проект «Большой Евразии» будет открыт и для Европы. Пока этот план сформулирован в виде общей идеологии, разработка деталей этого варианта находится в начальной стадии. Однако очевидно, что содержательно он будет ориентирован на унификацию таможенных правил стран-участниц с ориентацией на снижение, а в отдаленной перспективе и на отмену тарифных ограничений. Кроме того, считается, что в рамках нового интеграционного контура можно будет решить крупные социально-экономические и технологические задачи[4].

В контексте описанных интеграционных проектов представляется весьма актуальным обращение внимания на генезис финансового сотрудничества в рамках АТР. Вошедшее в активную стадию в период кризиса 90-х гг., оно интерпретировалось прежде всего как инструмент «региональной азиатской финансовой солидарности», т. е. поддержки стран региона мощными экономиками Китая и Японии. Именно на это были ориентированы основные межгосударственные взаимодействия. Можно выделить такие амбициозные идеи, как нереализованное создание Азиатского валютного фонда в качестве региональной альтернативы международному валютному фонду; воплощенную в практически работающий механизм своп-сделок финансовую систему «Чангмайская инициатива»; Азиатскую инициативу по ценным бумагам и другие институциональные новации[5].

Необходимо отметить, что институциональные задачи по созданию механизмов региональной коллективной защиты в экономической и финансовой сферах признаются злободневными и в настоящее время. Как подчеркивал этот аспект сотрудничества один из современных лидеров АТР, Председатель КНР, Си Цзиньпин: «… формируя новую архитектонику региональной экономической интеграции, следует постоянно углублять региональное сотрудничество в финансовой сфере, … **совершенствовать региональную сеть финансовой безопасности** (выделено мной – О.Р.)» [14].

Наряду с этим в последние годы все большее внимание привлекает разрешение инструментальных проблем регионального сотрудничества. Как теоретики, так и практики в последние десятилетия постоянно обсуждают вопросы создания валютной зоны АТР, сформированной либо по аналогии с евро (т. е. конструирования новой коллективной валюты для региона), либо путем использования как коллективного инструмента одной из национальных валют[6].

Особую активность в этом вопросе региональные финансовые структуры в АТР проявляют в посткризисные периоды:

---

[4]Подробное рассмотрение концепции дано нами в Рензин О. М., Кучук В. В., Суслов Д. В. Россия и АТР: интеграционная мозаика // ERINA Report August №131, 2016. (на японском языке). С. 3–9.

[5]Содержательный анализ институциональных процессов в финансовой системе АТР содержится в работе Демина Я. В. Финансовые рынки стран Восточной Азии: интеграция и конвергенция // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 81–104.

[6]На этот аспект развития финансовой интеграции в АТР обращалось внимание в работах Рудько-Селиванов В. В., Зубрилова Н. В. Экономики АТЭС: потенциал банковского сектора в финансовой стабильности и интеграции. М. : Инфра-М, 2012. 507 с. С. 16–21 ; Потапов М. А., Салицкий А. И., Шахматов А. В. Экономика современной Азии // Международные отношения. М., 2011. 264 с. С. 221–223 ; Арапова Е. Я Экономическая интеграция в восточноазиатском регионе. М. : Проспект 2016. 208 с.

после азиатского финансового кризиса 1997 г. и мирового финансового кризиса 2007 – 2008 гг. Целенаправленные исследования, связанные с формированием общей валюты для стран Восточной Азии, вел ряд финансовых институтов: Азиатский банк развития, Японский банк международного сотрудничества, ряд научно-исследовательских центров[7].

Инициатива создания в Восточной Азии коллективной валюты существует не один год, данный вопрос периодически поднимается в ходе двусторонних и многосторонних встреч на высшем уровне. Тем не менее реализация инициативы наталкивается на ряд противоречий как чисто экономического, так и политического характера. В частности, существуют разночтения в рассмотрении проблем структуры валютной корзины. Кроме того, государства не могут не понимать, что введение единой валютной единицы значительно снизит возможности манипуляции валютными курсами и использования их в качестве инструментов внешнеэкономической политики. Между тем они активно используют данный инструмент для корректировки состояния торгового баланса и стимулирования накопления денежных резервов.

Многие эксперты, в т. ч. и автор статьи, считают более реалистичным другой вариант решения проблемы – массовое использование в региональных транзакциях одной из национальных валют стран АТР. Принципиально для этого имеется набор инструментов: в мировой топ-10 используемых валют (согласно SWIFT RMB Tracker) по состоянию на октябрь 2017 г. входят пять азиатских – японская иена, китайский юань, австралийский и гонконгский доллары, тайский бат. [5] Правда, ни одна из них не занимает более 4% в международных расчетах. Ни каждая из них, ни все вместе не могут преодолеть барьер лидирующей валютной двойки – доллара США и евро.

Однако считать, что рост их удельного веса бесперспективен, не следует. В течение длительного времени в АТР наблюдается соперничество между японской иеной и китайским юанем за признание в качестве региональной валюты. [16] Этому противостоянию было посвящено большое количество научных и прикладных работ. В период до мирового кризиса 2008 – 2009 гг. проблема формирования валютных блоков на основе национальных валют региона рассматривалась как перспектива с высокой оценкой шансов как одной, так и другой валюты. Исследования преимуществ одной или другой азиатской валюты включали экономические характеристики стран-эмитентов (объем ВВП, долю во внешнеторговых и финансовых операциях и др.), однако в этот период баланс достоинств и недостатков не приводил к однозначным решениям.

В настоящее время преимущественные позиции юаня в обозримом будущем стали для исследователей более очевидными. [17] Это связано прежде всего с тем, что Китай в последние годы реализует активную политику по интернационализации своей валюты, достигая в этом направлении больших успехов. Следует отметить эффективность специфического для китайских реформ подхода: не осуществлялось никаких всеобщих радикальных изменений, трансформация проводилась путем серии экспериментов, введения особых режимов на отдельных территориях, для отдельных пилотных финансовых институтов и учреждений, для отдельных групп финансовой клиентуры, для ограниченного перечня финансовых инструментов.

Первым целенаправленным системным мероприятием по продвижению международных расчетов в юанях стало Решение Государственного Совета КНР от 8 апреля 2009 г. о начале пилотной программы в Шанхае и четырех городах провинции Гуандун – Гуанчжоу, Шэньчжень, Дунгуань и Чжухай. Для экспертов было очевидно, что такой выбор не был случайным. Все включенные в пилотный проект территории имели накопленный опыт проведения различных международных программ в статусе либо крупных центров

[7]На этот аспект развития финансовой интеграции в АТР обращалось внимание в работах Рудько-Селиванов В. В., Зубрилова Н. В. Экономики АТЭС: потенциал банковского сектора в финансовой стабильности и интеграции. М. : Инфра-М, 2012. 507 с. С. 16–21 ; Потапов М. А., Салицкий А. И., Шахматов А. В. Экономика современной Азии // Международные отношения. М., 2011. 264 с. С. 221–223 ; Арапова Е. Я Экономическая интеграция в восточноазиатском регионе. М. : Проспект 2016. 208 с.

международной торговли, либо специальных экономических зон. Для ограниченного круга работающих здесь успешных предприятий-экспортеров (численностью около 600) был разрешен порядок трансграничных расчетов за товары в юанях.

В июне 2010 г. этот режим был распространен еще на 20 провинций и городов центрального подчинения. Дополнительно к ранее разрешенным операциям в юанях были добавлены расчеты за услуги. В 2011 г. ареал использования такого порядка расчетов был распространен на весь Китай. Правда, был оговорен ряд ограничений для предприятий-экспортеров: разрешения были выданы не всем, а 67 тыс. предприятий. И только в 2012 г. расчеты в юанях становятся доступными всем предприятиям страны, кроме недобросовестных, т. е. имеющих нарекания в сфере валютного и таможенного контроля, уплаты налогов.

Статистика показала исключительно высокие темпы реализации целей проекта: если в 2010 г. во внешней торговле Китая расчеты в юанях занимали 2%, то в 2012 г. – 12%.

Кроме внешнеторговых организаций и предприятий-экспортеров, в программах интернационализации юаня самое активное участие приняли финансовые институты.

Расширение юаневой зоны стало одним из важных элементом международной деятельности Народного банка Китая – центрального банка страны, который осуществляет двустороннее сотрудничество с центральными банками других стран. Широко используемая практика заключения с иностранными регуляторами двусторонних своп-соглашений стала одной из важнейших технологий продвижения юаня в международную сферу. По оценкам, общая сумма включенной в такой оборот китайской валюты составляет несколько триллионов юаней. Разумеется, наиболее активными партнерами в таких операциях являются страны АТР, но следует отметить, что этот процесс уже принял глобальный характер, в него включены экономики практически всех континентов.

Другой формой юаневой экспансии в последние годы стало использование возможностей созданных Китаем банков развития. Важнейшими структурами стали Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (далее – АБИИ), созданный в 2016 г., и Новый банк развития БРИКС (2015 г.), каждый со стартовым капиталом в 100 млрд. долл. И хотя основная валюта, в которой осуществляется деятельность на начальном этапе этих международных банков – доллар США, китайские специалисты деликатно прогнозируют, что «... на фоне возможной нехватки американских долларов из-за увеличения процентной ставки Федеральной резервной системы АБИИ может с учетом реальных требований умеренно увеличить продукты инвестирования и финансирования, калькулированные в евро и юанях». [9]

Третьим элементом можно рассматривать международную деятельность коммерческих банков, накопивших колоссальный финансовый потенциал. Речь идет и о выдаче юаневых кредитов, и о международном рынке панда-бондов, т. е. облигаций, номинированных в юанях.

В совокупности государственная деятельность по расширению использования национальной валюты Китая за относительно короткий период привела к признанию международного статуса юаня. В октябре 2016 г. он официально вошел в валютную корзину специальных прав заимствования МВФ. В номере, подводящем итоги 2016 г., официальное издание КНР – журнал «Китай» – сообщал: «Впервые с момента основания в СПЗ (специальные права заимствования – О.Р.) была включена валюта развивающейся страны... Включение жэньминьби (официальное название денежной единицы КНР – О.Р.) в СПЗ несомненно поможет СПЗ по настоящему стать стабилизирующей силой в международной валютной системе». [6]

Действительно, для таких победных реляций у КНР есть основания: став второй по объему производства экономикой мира и первой по масштабам накопленных валютных резервов страной, КНР создает обеспечение для более широкого использования своей национальной валюты в международных операциях не только в АТР, но и во всем мире. Таким образом страной формируется финансовая платформа для реализации новых интеграци-

онных проектов.

В обозримой перспективе очевидным становится вхождение АТР в новый интеграционный цикл, который, скорее всего, не будет иметь линейный характер. Процессы включения национальных экономик в то или иное объединение будут определяться сохранением возможностей лидеров мирового развития (США и Китая) в создании системы преференций для участников, включая финансовую составляющую. Существование многообразных предложений для потенциальных партнеров позволяет предположить возникновение сложных интеграционных конструкций нового типа, нестандартных как по составу, так и по формам взаимодействия.

Список литературы:

1. Арапова Е. Я Экономическая интеграция в восточноазиатском регионе. М. : Проспект 2016. 208 с.

2. Газета «Коммерсантъ» № 211 от 14.11.2017. С. 2.

3. Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование). М. : Инфра-М. 2016. 332 с.

4. Демина Я. В. Финансовые рынки стран Восточной Азии: интеграция и конвергенция // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 81–104.

5. Долженков А. Валютный расклад // Эксперт. 2017. № 3.

6. Итоги 2016 года // Китай. 2017. № 1. С. 26–47. С. 30.

7. Кучук В. В., Рензин О. М. Новые явления в институциализации АТР: проект общеазиатской валюты // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 36–45.

8. Кучук В. В., Рензин О. М. Общеазиатская валюта будет учиться на ошибках евро // Россия в АТР. 2009. № 3. С. 62–67.

9. Лю Ин. Итоги первого года АБИИ // Китай. 2017. № 2. С. 26–27. 27

10. Михеев В., Луконин С., Чже С. Многовариантность: большой стратегический ответ Си Цзиньпина // МЭиМО. 2015. № 12. С. 5–14.

11. Потапов М. А., Салицкий А. И., Шахматов А. В. Экономика современной Азии // Международные отношения. М., 2011. 264 с. С. 221–223.

12. Рензин О. М., Кучук В. В., Суслов Д. В. Россия и АТР: интеграционная мозаика // ERINA Report August. № 131, 2016. (на японском языке). С. 3–9.

13. Рудько-Селиванов В. В., Зубрилова Н. В. Экономики АТЭС: потенциал банковского сектора в финансовой стабильности и интеграции. М. : Инфра-М 2012. 507 с. С. 16–21.

14. Си Цзиньпин. Всестороннее углубление реформ. Пекин. Издательство литературы на иностранных языках. 2014 281 с. С. 242

15. Уянаев С. Китайский проект «Один пояс – один путь»: концепция, план, сотрудничество с Россией // Проблемы Дальнего Востока. 2015 г. № 4. С. 8–21.

16. Kazuko Shirono. Yen Block or Yuan Block: An Analysis of Current Arrangements in East Asia. IMF Working Paper. January 2009. International Monetary Fund. Washington. 34 p.

17. Ogawa E., Muto M. Declining Japanese Yen in the Changing International Monetary System//East Asian Economic Review 2017 Vol. 21, No. 4, December Issue

18. Shintaro Hamanaka. TPP versus RCEP: Control of Membership and Agenda Setting // Journal of East Asian Economic Integration, 2015. vol. 17, no. 4, pp. 163–186.

Библиографическое описание статьи

Рензин О. М. Финансовые механизмы интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион: новые тенденции // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 4 (81). С. 49–57. DOI: 10.22394/1818-4049-2017-81-4-49-57

O. M. Renzin

Financial mechanisms of integration in the APR: new trends

The interrelations between integration processes and the transformation of financial institutions and instruments in the APR are considered. The genesis of financial interactions

Renzin Oleg Markovich – deputy director, the Institute of economic research of FEB RAS, associate professor (Khabarovsk). ***E-mail: renzin@ecrin.ru***

in the APR in the period after the Asian crisis of 1997 is analyzed. The programs for improving the instrumental component of interstate financial cooperation have been singled out. The dynamic reactions and adjustments to the organizational forms of the financial system under the integration trends changing are shown. A special role of the program of China's enlargement of the Yuan zone is highlighted as a factor in the implementation of new integration projects. The potential options for the financial system development in the APR have been assessed in connection with the implementation of the main medium-term integration scenarios in the region.

Keywords: *integration in the Asia-Pacific region; financial mechanisms of integration; expansion of the yuan zone; Institutions and instruments of financial integration.*

References:

1. Arapova E. YA EHkonomicheskaya integraciya v vostochnoaziatskom regione. M. : Prospekt 2016. 208 s.

2. Gazeta «Kommersant»» № 211 ot 14.11.2017. S. 2.

3. Globalizaciya i integracionnye processy v Aziatsko-Tihookeanskom regione (pravovoe i ehkonomicheskoe issledovanie). M. : Infra-M. 2016. 332 s.

4. Demina YA. V. Finansovye rynki stran Vostochnoj Azii: integraciya i konvergenciya // Prostranstvennaya ehkonomika. 2016. № 3. S. 81–104.

5. Dolzhenkov A. Valyutnyj rasklad // EHkspert. 2017. № 3.

6. Itogi 2016 goda // Kitaj. 2017. № 1. S. 26–47. S. 30.

7. Kuchuk V. V., Renzin O. M. Novye yavleniya v institucializacii ATR: proekt obshcheaziatskoj valyuty // Prostranstvennaya ehkonomika. 2007. № 2. S. 36–45.

8. Kuchuk V. V., Renzin O. M. Obshcheaziatskaya valyuta budet uchit'sya na oshibkah evro // Rossiya v ATR. 2009. № 3. S. 62–67.

9. Lyu In. Itogi pervogo goda ABII // Kitaj. 2017. № 2. S. 26–27. 27

10. Miheev V., Lukonin S., CHzhe S. Mnogovariantnost': bol'shoj strategicheskij otvet Si Czin'pina // MEHiMO. 2015. № 12. S. 5–14.

11. Potapov M. A., Salickij A. I., SHahmatov A. V. EHkonomika sovremennoj Azii // Mezhdunarodnye otnosheniya. M., 2011. 264 s. S. 221–223.

12. Renzin O. M., Kuchuk V. V., Suslov D. V. Rossiya i ATR: integracionnaya mozaika // ERINA Report August. № 131, 2016. (na yaponskom yazyke). S. 3–9.

13. Rud'ko-Selivanov V. V., Zubrilova N. V. EHkonomiki ATEHS: potencial bankovskogo sektora v finansovoj stabil'nosti i integracii. M. : Infra-M 2012. 507 s. S. 16–21.

14. Si Czin'pin. Vsestoronnee uglublenie reform. Pekin. Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah. 2014 281 s. S. 242

15. Uyanaev S. Kitajskij proekt «Odin poyas – odin put'»: koncepciya, plan, sotrudnichestvo s Rossiej // Problemy Dal'nego Vostoka. 2015 g. № 4. S. 8–21.

16. Kazuko Shirono. Yen Block or Yuan Block: An Analysis of Current Arrangements in East Asia. IMF Working Paper. January 2009. International Monetary Fund. Washington. 34 p.

17. Ogawa E., Muto M. Declining Japanese Yen in the Changing International Monetary System// East Asian Economic Review 2017 Vol. 21, No. 4, December Issue

18. Shintaro Hamanaka. TPP versus RCEP: Control of Membership and Agenda Setting // Journal of East Asian Economic Integration, 2015. vol. 17, no. 4, pp. 163–186.

Reference to the article

Renzin O. M. Financial mechanisms of integration in the APR: new trends // Power and Administration in the East of Russia. 2017. No. 4 (81). PP. 49–57. DOI: 10.22394/1818-4049-2017-81-4-49-57